

в 1924–1925 гг. «критики различных эстетических убеждений и групповых пристрастий – все, словно стоворившись, буквально предавали “Москву кабацкую” анафеме»²⁷.

Примечания

- ¹ *Есенин С.* Полн. собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 221.
- ² *Ройзман М.* Из книги «Всё, что помню о Есенине» // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 396.
- ³ *Мариенгоф А.* Роман без вранья // Как жил Есенин : Мемуарная проза / сост., автор послесл. и коммент. А. Л. Казаков. Челябинск, 1992. С. 136.
- ⁴ *Старцев И.* Мои встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 416.
- ⁵ *Ивнев Р.* О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 344.
- ⁶ *Вольгин Н.* Свидание с другом // Как жил Есенин : Мемуарная проза. С. 323–324.
- ⁷ *Есенин С.* Указ. соч. Т. 6. С. 167.
- ⁸ *Пяст Вл.* Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 96.
- ⁹ *Чернявский В.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 224.
- ¹⁰ *Воронский А.* Литературные силуэты : Сергей Есенин // Красная новь. 1924. № 1. С. 285.
- ¹¹ *Есенин С.* Указ. соч. Т. 6. С. 154.
- ¹² *Воронский А.* Указ. соч. С. 285.
- ¹³ *Светлов Н.* [Рецензия] // Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи : в

- 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 2. С. 42. Рец. на кн.: Есенин С. А. Стихи скандалиста. Берлин, 1923. 59 [1] с.
- ¹⁴ *Лелевич Г.* О Сергее Есенине // Октябрь. 1924. № 3. С. 182.
- ¹⁵ *Эрлих В.* Право на песнь // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 323.
- ¹⁶ *Лелевич Г.* По журнальным окопам // Молодая гвардия. 1924. № 7–8. С. 268.
- ¹⁷ *Лежнев А.* Литературный обзор // Печать и революция. 1925. № 1. С. 129.
- ¹⁸ Там же. С. 130.
- ¹⁹ *Машибиц-Веров И.* [Рецензия] // Октябрь. 1925. № 2. С. 142. Рец. на кн.: Есенин С. А. Стихи. М. ; Л. : Круг. [1924]. 86 с.
- ²⁰ Там же. С. 143.
- ²¹ *Груздев И.* [Рецензия] // Русский современник. 1924. № 3. С. 255. Рец. на кн.: Есенин С. А. Москва кабацкая. Л., 1924. 43 [1].
- ²² *Красильников В.* Сергей Есенин // Печать и революция. 1925. № 7. С. 114.
- ²³ *Оксенов И.* [Рецензия] // Звезда. 1924. № 4. С. 333. Рец. на кн.: Есенин С. А. Москва кабацкая. Л., 1924. 43 [1].
- ²⁴ *Д-ов М.* Вечер Сергея Есенина // Бакинский рабочий. 1924. 6 окт. № 226. С. 5.
- ²⁵ *Соколов А.* Нужно ли в пролетарских журналах печатать «попутчиков»? // Октябрь. 1924. № 4. С. 177–179.
- ²⁶ *Куняев Ст., Куняев С.* Сергей Есенин. М., 1995. С. 417–418.
- ²⁷ *Прокушев Ю.* Народное. Пророческое. Вечное // Есенин С. Собрание стихотворений : в 3 т. М., 1994. Т. 1. С. [16]. Репринтное воспроизведение издания 1926 г.

УДК 821.161.1.09-2+929 Катаев

САТИРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПЬЕСЫ В. КАТАЕВА «МИЛЛИОН ТЕРЗАНИЙ»

М. А. Шеленок

Саратовский государственный университет
E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

В статье исследуются проблематика и поэтика пьесы В. Катаева «Миллион терзаний»: рассматриваются приемы создания сатирических образов, раскрывается проблема литературного диалога автора с современниками (М. Булгаковым, Н. Эрдманом, И. Ильфом и Е. Петровым), выявляется своеобразие катаевской сатиры на дореволюционную интеллигенцию.

Ключевые слова: В. Катаев, сатирический образ, литературная игра, литературный контекст, литературный диалог.

Satiric Problem Range and the Poetics of the Play «A Million Pangs» by V. Katayev

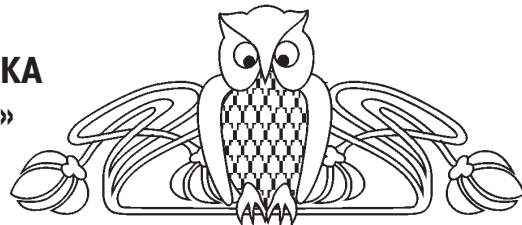
M. A. Shelenok

The article researches the problems and the poetics of the play by V. Katayev «A Million Pangs»: devices of creating satirical images are

regarded; the problem of a literary dialogue of the author with his contemporaries (M. Bulgakov, N. Erdman, I. Ilf and E. Petrov) is revealed; the peculiarity of Katayev's satire on pre-revolutionary intelligentsia is identified.

Key words: V. Katayev, satirical image, literary play, literary context, literary dialogue.

На протяжении долгих лет плодотворной литературной деятельности В. П. Катаев неоднократно обращался к драматургическим жанрам. Его первые пьесы «Растратчики» (1927) и «Квадратура круга» (1928) вызвали большой интерес у К. С. Станиславского, поэтому начало пути Катаева-драматурга было тесно связано с МХАТом. Особую популярность автору принес водевиль

«Квадратура круга», за которым последовали «Миллион терзаний» (1930), «Дорога цветов» (1933) и другие пьесы, часто ставившиеся на сцене и прочно закрепившие за писателем репутацию комедиографа. Однако сам автор, по воспоминаниям современников, отводил драматургическим опытам в своем наследии второстепенное место. Б. Е. Галанов, один из ведущих исследователей творчества писателя, отмечает, что «Квадратуру круга» Катаев создал, отдыхая от «Растратчиков»: «... ему нужна была пауза, передышка, разрядка»¹. В то же время сотрудничество со Станиславским явно льстило начинающему драматургу.

Водевиль «Миллион терзаний», написанный Катаевым в 1930 г., был опубликован в апрельском номере «Красной нови» 1931 г. и переиздавался неоднократно (в 1933 и 1934 гг. выходил отдельными изданиями, а затем был включен в авторский сборник 1934 г. «Комедии» и в структуру собраний сочинений В. П. Катаева разных годов). Осенью 1932 г. состоялась успешная премьера в Московском театре оперетты. Следует отметить, что музыку для этого спектакля написал И. Дунаевский. В 1930-е гг. «Миллион терзаний» ставился не только в Москве и Ленинграде, но и во многих провинциальных городах. Водевиль имел успех и за рубежом – в Германии, Италии и Франции.

Исследователи творчества В. П. Катаева и русской драматургии XX в. обращались, как правило, к изучению пьес «Растратчики» и «Квадратура круга». О водевиле «Миллион терзаний» говорят только в назывном порядке. На наш взгляд, данное произведение, не ставшее объектом специального литературоведческого исследования, заслуживает отдельного рассмотрения на уровне проблематики и жанровой поэтики.

«Водевиль в трех действиях» «Миллион терзаний» заметно отличается как от традиционных образцов жанра, так и от собственно катаевского водевиля «Квадратура круга». Комедии Катаева 1930-х гг., как указывает исследователь Л. И. Скорино, развивают не юмористическую, а обличительную линию его творчества: «В центре каждой из них (пьес “Миллион терзаний” и “Дорога цветов”. – М. Ш.) стоит сатирический образ. Таковы Анатолий Эсперович Экипажев (“Миллион терзаний”), претендующий на роль хранителя традиций старой русской культуры, и Иван Васильевич Завьялов (“Дорога цветов”))»². На наш взгляд, автор расширяет границы водевильного жанра за счет актуальных в 1920–1930-е гг. остросоциальных проблем, к осмыслению которых обращаются такие художники, как М. Булгаков, Н. Эрдман, И. Ильф и Е. Петров и др.

Цель данной статьи – выявить своеобразие катаевского варианта сатиры на дореволюционную интеллигенцию, проанализировав проблематику и поэтику пьесы и включив ее в контекст творчества современников.

В пьесе «Миллион терзаний» главным объектом сатирического осмеяния становятся при-

способленцы и представители старорежимной интеллигенции. В традиционном представлении интеллигенцию отличают образованность и широта интересов. Это «мыслящая часть общества», которая «ставит и разрешает “проклятые вопросы”»³. В катаевской пьесе довольно прямолинейно разоблачаются претензии дореволюционной гуманитарной интеллигенции быть выразителями передовых идей и демонстрируются, в противовес ей, возможности новой – советской, вышедшей из народа.

Катаев создает ряд сатирических образов «бывших» представителей умственного труда. Речевой портрет центрального персонажа – дворянина Анатолия Экипажева – строится с использованием традиционных реплик-клише. Экипажев постоянно говорит о служении идеалам и «чистому искусству»: «Экипажевы высоко держали знамя русской интеллигенции и свято передавали его из рук в руки... <...> Святое знамя свободы и борьбы...»⁴. Но, как выясняется позже, все высокопарные речи Анатолия Эсперовича – пустые слова, произносимые в укор собственному сыну, желающему идти в ногу со временем по идеологически верному пути. Даже госпожа Артамонова, представительница того же социального слоя, что и Анатолий Эсперович, обвиняет своего соседа в пустословии: «Вызубрили десять слов: “интеллигенция”, “идеалы”, “принципы”, “произвол”, “знамя” – и кричите на всю, всю квартиру, как попугай» (199–200).

Одним из важных приемов сатирического разоблачения в пьесе является литературная игра, которую автор начинает с заглавия произведения. Катаев обыгрывает имена писателей и литературных критиков, названия и фрагменты классических произведений. Этот прием автор использует в первую очередь для разоблачения мнимой всеобразованности Экипажева. Анатолий Эсперович в моменты негодования постоянно обращается к портрету Достоевского, называя его «господином Белинским», во время разговора с сыном, размышляющим о конфликте отцов и детей, перебивает его перечислением тургеневских произведений, в одном ряду с которыми вдруг оказывается гоголевская повесть:

«Миша: Ну, что вы расстраиваетесь, папаша? Жизнь меняется. Отцы и дети...»

Экипажев: «Дворянское гнездо». “Записки охотника”. “Тарас Бульба”. Не раздражай меня!» (231).

В гостях у Парасюков, которых Экипажев принимает за дворян Ананасовых, Анатолий Эсперович задает вопрос: «Когда, я вас спрашиваю, когда наконец наш темный, невежественный, хамский народ начнет читать книги?» – и тут же, пытаясь украсить свой риторический вопрос цитатой из классики, произносит, запинаясь, отрывок из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Эх, эх, придет ли времечко, придет ли... – гм... – желанное, когда мужик не Блюхера и

не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесет...» (236). У Парасюков, как выясняется, есть и Гоголь (пять томов в переплете), и госиздатовский Белинский. Экипажев гордится своей домашней библиотекой, которая состоит всего лишь из нескольких томов Брокгауза и Ефрона; глядя на портреты Энгельса и Дзержинского, принимает их за Помяловского и Некрасова. Окончательно невежество Экипажева раскрывается в диалоге о поэте-символисте А. Блоке. Анатолий Эсперович полагает, что речь идет о блоке Государственной думы. Парасюк уточняет: «Это поэт Александр Блок. <...> “Двенадцать” написал...» (238). В экипажевском сознании «Двенадцать» – это не поэма, а 12-томное собрание сочинений: «Да, да. Я знаю: двенадцать томов. Читал, как же, читал. Все двенадцать прочитал. Прелестно» (238).

Финальной репликой этого саморазоблачительного высказывания становится фраза: «О-о! Миллион терзаний! Миллион терзаний, как сказал покойный Репин! (курсив наш. – М. Ш.)» (245). Экипажев не только неправильно называет имя автора, но и искажает фонетически грибоедовское словосочетание «милльон терзаний».

Цитаты из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Катаев использует в тексте водевиля несколько раз. Например, Экипажев в диалоге с Артамоновой неуместно, но с пафосом, произносит отрывки из монологов Чацкого:

«Артамонова: <...> голубчик, почему вы не служите?»

Экипажев: Служить бы рад – прислуживаться тошно... <...>

Артамонова: Если это намек на мужа моей дочери, моего зятя, инженера Белье... Муж моей дочери, инженер Белье...

Экипажев: Французик из Бордо. О да. Молчалины блаженствуют на свете» (199).

Пытаясь показать свою начитанность, Анатолий Эсперович повторяет известные реплики Чацкого, однако делает это не к месту, вызывая смеховую реакцию. Таким образом, писатель создает образ-пародию на думающего интеллигента. Заглавное словосочетание «Миллион терзаний», которое Катаев воспроизводит в речевой партии персонажа, содержит в себе авторскую оценку Экипажева и его характеристику как объекта сатиры.

Обыгрывая имена литераторов и их произведения, автор не всегда преследует цель сатирического осмеяния персонажей. Можно предположить, что экипажевская реплика «Я же вам говорил, придет хам. И он пришел...» (231) является отсылкой пародийного характера к статье Д. С. Мережковского «Грядущий хам» (1906), а гордая фраза: «Экипажевы никогда не протягивали руку за подающим» (217) – заставляет вспомнить другого бывшего дворянина – Кису Воробьянинова из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: «– Никогда, – принялся вдруг чревоушачь Ипполит Матвеевич, – никогда

Воробьянинов не протягивал руки»⁵. Появляясь в квартире Парасюков, Ананасов ногой вступает в заливного судака, что напоминает появление действительного статского советника Пралинского на свадьбе Пселдонимова из рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот». В остальных случаях Катаев использует цитаты из классики для характеристики героя.

Представителям «бывшей» интеллигенции, приспособленцам и пустословам (Экипажеву и Ананасову) противопоставлены советские труженики, которым отведена роль носителей культуры в новой стране. Здесь, на наш взгляд, Катаев полемизирует с Михаилом Булгаковым, противопоставляющим в своей повести «Собачье сердце» благородных интеллигентов Преображенского и Борменталья пьянице и хаму Шарикову, внешний вид которого писатель изображает следующим образом (Полиграф Полиграфович унаследовал свои черты от донора пролетарского происхождения Клима Чугункина): «... человек маленького роста и несимпатичной наружности. Волосы у него на голове росли жесткие, <...> а на лице был небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной»⁶. Катаевский герой Экипажев, зная лишь фамилию и пролетарское происхождение зятя, ошибочно рисует в своем воображении отвратительный образ Парасюка: «... пьяница, алкоголик, тупица, хулиган, низкий обезьяний лоб» (209); «Водкой несет, как из бочки. Руки непропорционально длинные. Череп – обезьяний. Уши плебейские. Двух слов связать не может» (224). Однако эта характеристика подходит не молодому комсомольцу, а «бывшему» интеллигенту Ананасову. Во внешности настоящего Парасюка Экипажев, не зная, что перед ним именно Парасюк, отмечает «высокий лоб», «тонкие черты лица» и «интеллектуальные уши» (223). Образованный пролетарий ведет себя намного культурнее, чем хам Ананасов, оскорбляющий тестя и требующий приданое. Обратим внимание на фамилии булгаковского и катаевского героев. Фамилия «Шариков» характеризует своего носителя, тогда как обычная украинская фамилия «Парасюк», похожая фонетически на слово «поросенок» (что послужило одной из причин неправильного представления образа в сознании Экипажева), не несет оценочной характеристики. Зато «отрицательные типы» из катаевского водевиля не только разоблачаются по ходу действия, но и получают ряд саркастических характеристик от автора. Так, консультант по делам искусств, дворянин Ананасов в списке действующих лиц обозначен как «потрепанная личность в иностранных спортивных шароварах». Катаев дает персонажам псевдоблагородные, пародийные имена: Анатолий Эсперович, Ангина Павловна, Эжен Ананасов (тогда как Калерия и Агнесса, дочери Экипажева, стремятся избавиться от «благородных» имен и называют друг дружку «Каля» и «Аня»), что раздражает отца). Профессор Преображенский – человек слова, верный своим

принципам и убеждениям; доктор эстетики Экипажев, выгнанный отовсюду по чистке, критикует советский строй только на глазах у своих детей: «Я ничего не боюсь. Экипажевы никогда не скрывали своих убеждений. Пусть приходят, пусть надевают на меня кандалы. Я готов. Экипажевы всегда страдали за убеждения. Ну! Берите меня... Я подчиняюсь произволу» (197). Затем раздаётся стук в дверь, Анатолий Эсперович пугается, думая, что за ним пришли, хотя это всего лишь сосед, заметивший, как в комнату к Экипажевым зашел человек в милицмейской форме. Экипажев начинает оправдываться: «К...какая м...милиция? За что же? <...> Я четырнадцать лет сочувствую... <...> Меня нельзя забирать. Я – лояльный» (197–198). Автору «Миллиона терзаний», выражающему советскую точку зрения, важно утвердить приоритет нарождающейся интеллигенции из народа, для чего он принижает дореволюционную интеллигенцию. Таким образом Катаев создает образы старорежимного интеллигента и советского пролетария, противоположные булгаковским персонажам⁷.

Остро поставленная проблема псевдоинтеллигенции в пьесе Катаева решается и в произведениях его современников – И. Ильфа и Е. Петрова, Н. Эрдмана⁸.

И. Ильф и Е. Петров, как отмечает Я. С. Лурье, когда «писали о Васисуалии Лоханкине и интеллигентах 1930-х гг., имели в виду не самостоятельно мыслящих, а, наоборот – сугубо пассивных людей, верных адептов идеологической моды»⁹. На страницах романа «Золотой телёнок» показаны разные представители старорежимной интеллигенции, образы которых создаются с помощью различных приёмов: описание внешности, речевой портрет, характеристика повествователя. При этом для каждого отдельного образа Ильф и Петров используют данные приемы в разном соотношении. Во внешности старого монархиста Хворобьева соавторы подчеркивают некую искусственность: «На бледных парафиновых щеках его помещались приличные седые бакенбарды... <...> В то время большинство мужчин выращивало на лице такие вот казенные, верноподданные волосяные приборы... <...> лицо казалось *натуральным*»¹⁰ (курсив наш. – М. Ш.). Внешности псевдоинтеллигента Васисуалия Лоханкина уделяется не так много внимания: сатирики несколько раз упоминают лишь о «фараонской бородке». Ильф и Петров дают иронические характеристики своим героям. Хворобьев, «ценивший все изящное», служил в местном Пролеткульте и до самого конца своей службы «не знал, как расшифровать слово “Пролеткульт”, и от этого презирал его еще больше»¹¹. Бывший присяжный поверенный Старохамский (и как герой романа, и как действующее лицо водевиля «Вице-король») получает от авторов свою фамилию в качестве ярлыка «Старорежимный хам». Васисуалию Лоханкину кроме псевдовозвышенного имени Ильф и Петров

дарят саркастичную характеристику, называя его «достоинейшим представителем мыслящего человечества»: «Васисуалий никогда и нигде не служил. Служба помешала бы ему думать о значении русской интеллигенции, к каковой социальной прослойке он причислял и себя»¹² (курсив наш. – М. Ш.). Домашняя библиотека «достоинейшего представителя» состоит из небольшого количества книг и подобрана по красоте переплета и по размеру: «...мерцали церковным золотом корешки брокаузовского энциклопедического словаря... <...> По ранжиру выгнулись там дивные образцы переплетного искусства: Большая медицинская энциклопедия, “Жизнь животных”, пудовый том “Мужчина и женщина”, а также “Земля и люди” Элизе Реклю»¹³. Васисуалий не читает эти издания, он просто разглядывает переплеты, хотя называет «Мужчину и женщину» любимой книгой (наверное, переплет больше всего понравился). Зато всегда с большим интересом рассматривает «объявление неизвестной дамы, под названием: “Вот как я увеличила свой бюст на шесть дюймов”»¹⁴ из старого номера «Родины» за 1899 г. «Бунт индивидуальности» Лоханкина изображен комически за счет контрастного соединения пафоса в речах персонажа и его нелепых поступков (Васисуалий объявляет голодовку и на глазах у своей жены Варвары рвёт продовольственную карточку на хлеб):

«– Это глупо, Васисуалий. Это бунт индивидуальности.

– И этим я горжусь, – ответил Лоханкин подозрительным по ямбу тоном. – Ты недооцениваешь значения индивидуальности и вообще интеллигенции.

– Но ведь общественность тебя осудит.

– Пусть осудит, – решительно сказал Васисуалий и снова повалился на диван...

<...>

– Ешь, негодяй! – в отчаянии крикнула Варвара, тыча бутербродом. – Интеллигент!»¹⁵.

Следует отметить, что в последней реплике Варвары слова «негодяй» и «интеллигент» звучат как синонимы. Бунт Лоханкина заканчивается тем, что голодающий начинает тайком поедать консервы и мясо из борща, именно за этим занятием его застает внезапно возвратившаяся супруга.

Раскрытию образов способствует во многом речевая характеристика персонажей. Хворобьев называет советскую власть «хамской» и жалуется, что она подменила его мысли и сны. Здесь Ильф и Петров позволяют себе довольно смелое замечание, но дистанцируются от него, подарив персонажу, над которым сами иронизируют. Ярким примером изображения сатирического образа через речевой портрет, конечно, является Старохамский (и в романе, и в водевиле) с его антибольшевистскими монологами, считающий большевиков не столько хамами, сколько сумасшедшими. Одной из ярких речевых особенностей Лоханкина становится переход на пятистопный

ямб, которым говорит герой, «хотя никогда стихов не писал и не любил их читать»¹⁶. При этом патетичные монологи Лоханкина из-за словесной избыточности и сопряжения высоких и снижено-разговорных оборотов обретают комические черты. Например: «Уйди, Птибурдуков, не то тебе по вые, по шее то есть, вам я надаю»¹⁷.

В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров создают два образа псевдоинтеллигента – Анатолия Экипажева и Васисуалия Лоханкина, которые имеют похожие черты: пафосное пустословие, несоответствие слов поступкам, мнимая всеобразованность, скудная домашняя библиотека (заметим, что оба героя любят отдельные томы энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона). Писатели в обоих случаях заостряют внимание на такой детали, как непогашенный свет в уборной – причине множества конфликтов в коммунальном быту. Экипажев запирает уборную на замок и ключ хранит у себя, тогда как Васисуалий Лоханкин постоянно забывает тушить свет, из-за чего терпит телесное наказание от соседей.

Иначе в своих пьесах решает проблему псевдоинтеллигенции и приспособленчества Н. Эрдман. В отличие от катаевского Экипажева, выступающего против брака своих детей с представителями рабочего класса, Олимп Валерианович Сметанич, один из героев комедии Эрдмана «Мандат», желает породниться с членом партии: «... в приданое коммуниста просит»¹⁸. Он даже готов смириться с наличием родственников-пролетариев, как бы ему это ни было противно. Его сын Валериан, названный в честь деда, продолжает «нести знамя», но он готов служить ради денежного заработка, скрывая от окружающих свои истинные убеждения:

«Тамара Леопольдовна: Молодой человек, вы в бога верите?

Валериан Олимпович: Дома верю, на службе нет»¹⁹.

Оставаясь наедине с потенциальной невестой Варварой Гулячкиной, Валериан пытается показать свою образованность. Его рассуждения об искусстве выглядят более чем нелепо. Он неверно и не к месту говорит об имажинизме, путает Эйнштейна с Эйзенштейном:

«Валериан Олимпович: <...> что сделала советская власть с искусством? <...> Подумайте только, она приравняла свободную профессию к легковому извозчику.

Варвара Сергеевна: Ах, какая неприятность!

Валериан Олимпович: Я говорю это не в смысле имажинизма, а в смысле квартирной платы... <...> Ну, а как вы находите, мадемузель, теорию относительности Эйзенштейна?»²⁰

Наивысшая точка развития сатирического образа достигается автором в третьем действии пьесы в эпизоде, где представители бывшей дворянской интеллигенции принимают домработницу Настю за царевну Анастасию, дочь Николая II. Эрдман пародирует необычные дворянские имена

(Автоном Сигизмундович, Фелицата Гордеевна, Зотик Францевич, Ариадна Павлиновна, Наркис Смагдович и др.) и совершенно пустые, но невероятно пафосные разговоры о спасении России, доводя понятие «псевдо» до абсурда.

Другой пример – Аристарх Доминикович Гранд-Скубик, действующее лицо комедии «Самоубийца». Его «псевдо», как отмечает А. П. Свободин, «подчеркнуто фамилией»: «Великий... но величиной с кубик!»²¹. Аристарх Доминикович произносит монологи о страданиях (терзаниях. – *М. Ш.*) русской интеллигенции, к которой причисляет себя. Красивыми словами, порой с помощью клишированных оборотов, он пытается убедить Семена Подсекальникова, главного героя пьесы, застрелиться во имя интеллигенции и, по возможности, выбить для самого Гранд-Скубика хорошее место: «Защитите интеллигенцию и задайте правительству беспощадный вопрос: почему не использован в деле строительства такой чуткий лояльный и знающий человек, каковым, безо всякого спора, является Аристарх Доминикович Гранд-Скубик»²². На фоне речевых партий персонажа смешным и неубедительным выглядит аллегорический монолог о курице-интеллигенции, высидевшей неблагоприятных утят-пролетариев, в котором Гранд-Скубик делает оговорку: «Много лет просидела интеллигенция на пролетариате»²³, разрушая окончательно образ жертвы-страдальца.

Таким образом, катаевский Экипажев, эрдмановский Гранд-Скубик, Васисуалий Лоханкин Ильфа и Петрова – псевдоинтеллигенты – считают себя жертвами, упиваясь своим «миллионом терзаний». Лоханкин, например, размышляет: «Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва...»²⁴

Я. С. Лурье в своей книге об Ильфе и Петрове доказал, что соавторы «выступали не против “интеллигенции, претендовавшей на свое собственное мнение”, а против <...> конформистов и трусов»²⁵, «самозванцев от интеллигенции»²⁶. Сатирики, подобно Чехову, саркастически относятся к тем, «кто напяливал мундир интеллигента без всякого на то права»²⁷. На наш взгляд, это замечание справедливо и в отношении Н. Эрдмана, создавшего мир, где «все – псевдо»²⁸ (курсив А. Свободина. – *М. Ш.*). В пьесе «Миллион терзаний» понятия «псевдоинтеллигент» и «старорежимный интеллигент» становятся равнозначными. В Катаев, выполняя «социальный заказ», стремится показать, что любые представители дореволюционной интеллигенции – приспособленцы и пустословы, которым в советском государстве нет места.

Итак, в развитии драматургического творчества В. Катаева произошел переход от легкой веселой пьесы-шутки («Квадратура круга») к новому остросатирическому водевилю, осложненному социальной проблематикой и полемикой с М. Булгаковым. Писатель использует традиционные приемы создания сатирических образов, что сближает водевиль «Миллион терзаний» с про-

изведениями И. Ильфа и Е. Петрова, Н. Эрдмана. При этом катаевская позиция, рассчитанная на массового читателя (зрителя), в большей степени отвечает идеологическим требованиям и «социальному заказу».

Примечания

- ¹ Галанов Б. Валентин Катаев : Размышления о Мастере и диалоги с ним. М., 1989. С. 33.
- ² Скорино Л. Писатель и его время : Жизнь и творчество В. П. Катаева. М., 1965. С. 209.
- ³ Лурье Я. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. СПб., 2005. С. 26.
- ⁴ Катаев В. Миллион терзаний // Катаев В. Собр. соч. : в 10 т. М., 1983–1986. Т. 9. С. 196. Далее текст пьесы цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁵ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев // Ильф И., Петров Е. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. М., 1961. С. 337.
- ⁶ Булгаков М. Собачье сердце // Булгаков М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 2. М., 1992. С. 167.
- ⁷ В рамках данной статьи мы не ставим цель – показать образ дореволюционной интеллигенции в повести «Собачье сердце». Нам важно выявить противоположные взгляды В. Катаева и М. Булгакова на пролетариат, раскрывающиеся при сравнительном анализе. О многостороннем образе профессора Преображенского и других булгаковских интеллигентах см.: Антипина С. История становления и развития общественно-политических взглядов М. А. Булгакова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006 ; Петров В. Художественная аксиология Михаила Булгакова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003 ; Урютин И. Национальные образы-архетипы в творчестве М. А. Булгакова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук.

Елец, 2011 ; Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988 и др.

- ⁸ См.: Каблуков В. Драматургия Н. Эрдмана. Проблемы поэтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997 ; Свободин А. О Николае Робертовиче Эрдмане. Вступительная статья // Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С. 5–18 ; Лурье Я. Указ. соч. ; Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009 и др.
- ⁹ Лурье Я. Указ. соч. С. 228.
- ¹⁰ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Собр. соч. : в 5 т. Т. 2. М., 1961. С. 90.
- ¹¹ Там же. С. 93.
- ¹² Там же. С. 143.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 141–142.
- ¹⁶ Там же. С. 141.
- ¹⁷ Там же. С. 144.
- ¹⁸ Эрдман Н. Мандат // Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. С. 24.
- ¹⁹ Там же. С. 59.
- ²⁰ Там же. С. 53.
- ²¹ Свободин А. Указ. соч. С. 17.
- ²² Эрдман Н. Самоубийца // Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. С. 108.
- ²³ Там же. С. 130.
- ²⁴ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 155.
- ²⁵ Лурье Я. Указ. соч. С. 85.
- ²⁶ Там же. С. 43.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Свободин А. Указ. соч. С. 16.

УДК 821.11.09-31+929[Макинтайр+Макьюэн]

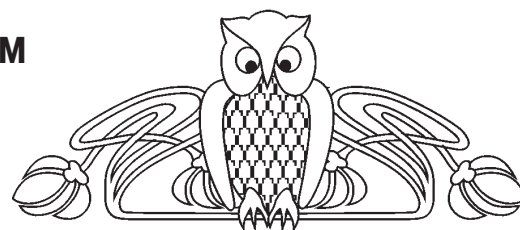
ПЛАНЕТАРНЫЕ РИСКИ В «КЛИМАТИЧЕСКОМ РОМАНЕ» («Солнечная» И. Макьюэна, «Вихрь» М. Макинтайра)

И. В. Кабанова

Саратовский государственный университет
E-mail: ivk77@hotmail.com

Два современных британских комических романа рассматриваются с точки зрения изображения в них климатических изменений и «зеленой» проблематики. Показано, что авторы воспроизводят широкий спектр существующих сегодня мнений по этим вопросам. Особое внимание уделено тому, как в романную ткань повествования вводятся научные данные.

Ключевые слова: Иэн Макьюэн, Магнус Макинтайр, климатический роман, жанр.

Planetary Risks in Cli-fi (Ian McEwan's «Solar», Magnus Macintyre's «Whirligig»)

I. V. Kabanova

Two recent British comic novels are analyzed in the aspect of the authors' treatment of the topic of climate change. Their representation of ecological and climate issues is shown to cover a wide range of existing attitudes. Special attention is given to how scientific matters are incorporated in the comic novel.

Key words: Ian McEwan, Magnus Macintyre, cli-fi novel, genre.